

Абрамова В. Ю.

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/2.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 12-16. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

materials facilitate the preparation of exercises and classroom activities aimed at practicing a particular grammar area. For the student, a medium which they enjoy using arouses interest to such a difficult language aspect as grammar and can give less advanced students the confidence they need to know it.

There's the last note to say in conclusion. Encouraged by my experiences in class, I then implemented the ideas singled out in this article into another language course targeted at adult learners - *Corporate English for Professional Communication*. It provides its learners, prospective programmers working for an international computer company of a Special Economic Zone, with the opportunity to practice specific functions and language of business in a range of authentic situations, with PowerPoint presentations playing a key role in delivering any kind of information, not only grammar.

Список использованной литературы

1. Рабочая программа по дисциплине «Деловой английский язык» для направления 080500 - «Менеджмент» ТПУ / разработчик Е. Б. Николаенко. 2006. 17 с.
2. Nikolaenko E. B. Business English. Tomsk: Tomsk polytechnic university publishing house, 2009. 205 p.
3. Thornbury S. How to teach grammar. Cambridge: Cambridge university press, 2001. 98 p.
4. Vernon M. Just give me the job, will you? // Business English magazine. 2009. № 1.

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Абрамова В. Ю.

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина

Орфография - система правил, устанавливающая единообразные способы передачи речи на письме [Ахманова, 2007, с. 294]. Из этого определения следует, что орфография представляет собой «порядок, основанный на планомерном расположении и взаимной связи» орфографических правил. Любая действующая система подчиняется законам логики - строится на связи между явлениями. «Логические законы имеют самостоятельное значение и действуют независимо от воли и желания людей в любом процессе познания» [Введенская, 2005, с. 448]. Следовательно, орфография как действующая система также построена на четырех логических законах, реализацию которых можно проследить на конкретных примерах.

«Каждая мысль в процессе данного рассуждения должна иметь одно и то же определенное, устойчивое содержание» (Закон тождества).

Говоря о реформе орфографии, мы не должны забывать, что речь идет об изменении принципов написания. Поэтому, ведя отсчет орфографического реформизма со времен Петра I, мы допускаем логическую ошибку, так как Петр преобразовал графику (совокупность начертаний): «округлил» шрифт, устранил некоторые буквы, - а четких орфографических правил в грамматиках того времени еще не было, следовательно - реформа имела характер графической новации, а не орфографической.

Подчинение данному закону также обнаруживается в отказе многими учеными фонетическому принципу орфографии в статусе ведущего (далеко не все лингвисты считали возможным подчинить написание произношению, и, по сути, единственным последовательным апологетом фонетического принципа по сей день остаётся В. К. Третьяковский).

Например, много споров было вокруг двойных согласных. Сторонники фонетического письма не раз предлагали отменить удвоенные согласные, не принимая во внимание то, что во многих случаях эти написания указывают на долгое произношение, структуру слова. Если в одних словах двойные согласные не произносятся (например, *рассказ, грамматика, аппетит*), то в других связь между написанием и произношением очень тесная (*ванна, Анна, поддать*). Если устранить повторяющуюся согласную, произношение искажится, и результатом одного будет *А[н]а, ва[н]а, по[д]ать* (в последнем случае мы получаем еще один омоним). То есть следствием нейтрализации орфограммы будет изменение орфоэпической нормы. «Конечно, можно сказать ... что нет ничего предосудительного в том, что изменения в написании слов приведут в конце концов к соответствующим изменениям в произношении. Но орфографическая комиссия не была уполномочена вносить, хотя бы и косвенным путем, изменения в произносительные нормы русского литературного языка» [Шапиро, 1956, с. 18].

Второй закон - Закон противоречия - звучит следующим образом: *Две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть одновременно истинными.*

Проиллюстрировать это утверждение можно попыткой Главнауки провести очередную реформу орфографии в 1930 году (а точнее упростить орфографию «до предельной возможности», так как работа комиссии 1918 года «остановилась на полдороге»). Проект изначально был неосуществим, потому что к делу подошли непоследовательно. «Наша орфография приурочена к русскому литературному языку и должна передавать его звуковую систему (то есть во главу ставится фонетический принцип - написание соответствует произношению). Отсюда задача реформы - приблизить начертание слов к их звучанию <...> Необходимым коррективом к фонетизму, взаимодействующим с ним фактором, удерживающим письмо от окончательного распада, является морфологическое начало... Вопрос о принципах не в механическом подчинении орфографии фонетическому или морфологическому началу, но в границах применения каждого из них, в пра-

вильном их взаимодействии» [Там же, с. 7]. Непоследовательность проекта подтверждается примерами, которые не отвечают поставленной задаче взаимодействия двух принципов.

Заявляя фонетический принцип основным, нельзя не принять во внимание принцип фонемный, на котором базируются морфологические написания. Поэтому говорить о «коррекции» одного принципа другим в данном случае бессмысленно.

Этот же пример можно использовать в качестве иллюстрации Закона исключенного третьего: *Из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно непременно истинно.*

Именно по причине того, что один принцип исключает другой, реформа 1930 года осталась неосуществленной.

В любом языке правописание как система возможно только в условиях жесткой регламентации, так как сосуществование двух правильных вариантов написания одного слова в конечном итоге непременно приведет к ломке орфографической системы в целом. «...И ученик, и корректор, да и всякий пишущий невольно будут считать, что если узаконено двойное написание в одном случае, то почему его нельзя допускать и в других» [Там же, с. 27]. Поэтому принцип факультативности непригоден для орфографии.

Это доказывает и дореформенное состояние печатных текстов, которое лингвисты того времени характеризовали как «разброс» и «хаос».

Вообще, любые изменения в орфографическом своде осуществимы только при достаточной аргументации нововведений. То есть непременным условием успешных модификаций является соблюдение Закона достаточного основания: *Всякая правильная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана.*

При любой попытке обойти этот закон возникнет ситуация отторжения, что не раз наблюдалось в истории становления современного орфографического свода.

Следует обратить внимание на то, что является причиной изменения орфографии в целом.

Орфография - это одна из нескольких норм, обязательных для литературного языка. Особенность нормы - ее устойчивость и одновременно динамичность. Принятая норма какое-то время статична (это значит, что все носители литературного языка обязаны следовать ей - за счет этого, в том числе, норма является устойчивой). Но любой живой язык развивается, и, реагируя на это, начинает меняться норма, потому как новые установки рано или поздно влекут за собой утверждение новой нормы. То есть, можно сказать, что норма всегда «запаздывает», фиксирует уже произошедшее изменение. Известно, что самая подвижная норма - орфоэпическая. Значит, проецируя эту подвижность нормы на орфографию, можно сделать вывод, что письмо, базирующееся на произношении (на фонетическом принципе) напрямую зависит от принятой орфоэпической нормы. В этом случае ситуация может развиваться в двух направлениях: либо письмо также начнет стремительно меняться, руководствуясь новыми произносительными нормами, что приведёт к коллапсу системы, либо за ведущий будет принят другой принцип написания.

Первым принципом написания был фонетический. Он функционировал еще до самой орфографии, так как правила в начале письменности никем не устанавливались и тексты писались по произношению (отсюда разнообразие изводов - вариантов церковных текстов, отражающих диалектные особенности той или иной местности). С течением времени произношение менялось, но орфография, регламентируемая традициями церкви, оставалась прежней. То есть написание постепенно становится традиционным. В России традиционный принцип диктует правила до первой орфографической реформы.

Попытки реформирования орфографии начались с 1862 года. На заседаниях комиссии были рассмотрены следующие предложения:

- 1) иностранные слова писать согласно произношению;
- 2) удвоенные согласные писать «по производству», а предлоги на *з* - «по произношению»;
- 3) сочетания звуков писать «по произношению»: *щастье, розыгрыш*;
- 4) пересмотреть некоторые окончания имен прилагательных;
- 5) слова деэтимологизированные писать «по произношению»;
- 6) при выборе написания русского и старославянского отдать предпочтение первому: *рожество, уроженец*;
- 7) унифицировать дублетные буквы (*ѣ, ї*), исключить из графики *ѣ* и *ѣ*, ввести *ѣ* для обозначения *е* под ударением, утвердить *ы* на месте *ѣ* и *ѣ* на месте *сч / зч*.

Заметен большой крен в сторону фонетики.

Московское педагогическое общество, например, предлагало отказаться от *ѣ* в словах женского рода, оканчивающихся на шипящую - *рож, тиш*, под ударением после шипящих писать *о*: *течот, шол, шолк*, - принять написание *жы* и *шы*. Причем, в последнем случае реформаторы, в частности, Корш Ф. Е., были весьма непоследовательны: предлагая написание, «оправданное современным языком», они обошли сочетания *ча* и *чу*, что, на наш взгляд, весьма нелогично.

Проект казанской комиссии был более последователен и предусматривал после твердых согласных писать только «твердый» гласный и *е* за неимением твердого варианта, так как *э* установили возможным только в начале слов, а после мягких согласных писать «мягкие» гласные. Таким образом: *жыр, шыло, медицына, чюдо, щюка, чяй* и т.д. То есть, в казанском проекте преобладает фонетический принцип, соблюдаются вышеупомянутые логические законы (в частности, закон исключенного третьего).

Напротив, Шереметьевский В. П., выступающий за фонетическое написание гласных после шипящих, одновременно предлагал приставки на *з* писать этимологически (*возкресение, исход*), писать слова слитно только тогда, когда «другая часть известного сочетания отдельно не употребляется»: *на пример, сей час*. Таким образом, вместо упрощения - разноголосица принципов написания, и первопричина того - нарушение логических законов, в первую очередь, закона противоречия: в данном случае фонетические написания оказываются перечеркнутыми этимологическими.

К 1904 году принято решение отказаться от употребления *ѣ, ї, њ, ѣ*, а летом 1912 года вышло окончательное постановление орфографической подкомиссии, которое включало в себя следующие пункты (отметим, на наш взгляд, самые интересные):

- 1) устранить редупликацию: вместо *ї; ѣ, ѣ* употреблять *и, е, ф*;
- 2) *ъ* и *ь* сохранить только в качестве разделительных знаков (то есть узаконить написания типа *сплош, рож* - и.п., ж.р., *ходиш*);
- 3) ввести фонетический принцип написания гласных после шипящих (*пчолка* - *пчела*);
- 4) приставки на *з/с* писать в соответствии с произношением (*разбить* - *рассердить*);
- 5) отказаться от устаревшей формы *ея* в Р.п.;
- 6) ввести для всех родов написание *они, одни*, исключив устаревшее *онѣ, однѣ* для женского рода;
- 7) исключить из употребления окончания родительного падежа единственного числа прилагательных, местоимений и причастий мужского и среднего рода *-аго, -яго* и писать *мужского, среднего* и нек. др.

Таким образом, мы видим, что, во-первых, на нововведения наложила отпечаток тенденция к фонетизации, во-вторых, предлагаемая реформа касалась не только орфографии, но графики.

Изменения в графике были следствием изменений в некоторых грамматических категориях. Например, известная маркированность форм женского рода была подкорректирована исчезновением из алфавита буквы *ѣ*, вследствие чего упомянутые формы были приближены к мужскому роду. Как видно, под устранение за ненадобностью попали и устаревшие формы (*ея, мужскаго, святаго*), сохранившиеся только в церковных текстах.

В силу утвержденных изменения не вступили, потому что реформа не нашла поддержки в правительстве, а без нее никакие новшества в печати и, тем более, в образовании недопустимы.

Первой состоявшейся орфографической реформой принято считать реформу 1917 года, когда Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка единогласно принял решение о «необходимости скорейшей реформы русского написания в том направлении, какое намечено проектом Орфографической подкомиссии при Академии наук» [Сидорова, 2008, с. 23]. В Академии была организована новая комиссия, и в итоге Совещание постановило принять проект 1912 года, исключив правило написания *о/е* после шипящих и *ц* и отмену *ь* после шипящих в конце слов (*речь, ходишь, настезь*). Таким образом, «Декрет о введении нового правописания» гласил: «Все правительственные и государственные издания, периодические... и непериодические..., должны печататься согласно новому правописанию с 1 января 1918 года» [Там же, с. 24]. «Публикации того времени показывают, что реформа требовала своего логического завершения» [Бреусова, 2001, с. 200]. Однако, разрешив основные орфографические вопросы, реформа не затронула множество частных задач, и с распространением «школьного и внешкольного просвещения» это чувствовалось все острее [Шапиро, 1956, с. 4].

В 1930 году была сделана новая организованная попытка провести очередную реформу, окончившаяся ничем по причине рассогласования содержания с выражением (в предлагаемых нововведениях не прослеживалась логика). «Реформа равняется на малограмотных и неграмотных в первую очередь», - говорилось во введении статьи И. В. Устинова с кратким изложением проекта упрощения орфографии и пунктуации. «Одной из объективных причин, по которой проект не был принят и на которой его современники не заострили внимания, была его несвоевременность, поскольку новая реформа расшатала бы правописную систему еще на 10 лет» [Бреусова, 2001, с. 200].

В то же время работа над орфографическим сводом продолжалась, и в 1954 году в процессе дискуссии, опубликованной на страницах журнала «Русский язык в школе», большинство участников признало, что современная орфография нуждается не в реформировании, но в упорядочивании. Пересмотренные, дополненные и исправленные «Правила русской орфографии и пунктуации» по сей день являются официальным документом.

Однако довольно скоро стала обнаруживаться, по мнению отдельных ученых, некоторая неполнота утвержденных правил: «некоторые закономерности правописания были сформулированы в них слишком кратко, без должной детализации, либо слишком фрагментарно, необобщенно, многое было недосказано или не упомянуто вовсе» [Там же, с. 201].

В 1962 году Президиум Академии наук образовал при Институте русского языка АН СССР Орфографическую комиссию под руководством академика В. В. Виноградова. Комиссия должна была провести работу по созданию нового проекта реформы русского языка. Новые правила гласили:

- 1) в разделительной функции употреблять только *ь*: *объявление, вью*;
- 2) после *ц* писать *и*: *цыган, огурци*;
- 3) после шипящих под ударением писать *о*: *щоки, жолтый*, (но *желтеть, щека*);
- 4) после *ж, ч, ш, щ* не писать *ь*: *доч, мыш, намаж*;

5) в корнях *зар-* - *зор-*, *рас(т)-* - *рос(т)-*, *равн-* - *ровн-*, *гар-* - *гор-*, *плав-* - *плов-*, *лаг-* - *лож-*, *мак-* - *мок-* гласную в безударном положении писать в соответствии с ее написанием под ударением: *зоря*, *зорница* и т.п. (попытка подчинить традиционный принцип морфологическому);

6) отменить двойные согласные в иноязычных словах (оставить только в словах *ванна*, *сумма*, *гамма*). (Неясно, по какому принципу были выделены именно эти слова, если двойные согласные «звучат» не только в них);

7) сочетание *пол-* (половина) с последующим родительным падежом существительного или порядкового числительного писать всегда через дефис;

8) в словах *брошюра*, *жюри*, *парашют* после *ш* и *ж* писать *у* (в результате - возникает одна еще пара омонимов: *жури* - существительное и глагол в повелительном наклонении);

9) писать *заец*, *заечий* (непонятен выбор слова и принцип его «обновленного» написания);

10) писать *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный* и т. д. (удвоенная *н* слышима - ср. попытку отказаться от удвоенных согласных в 1930 г.).

«Это только некоторые нововведения, которые были предложены на рассмотрение широкой публики и, конечно, не прошли» [Силанова, 2002].

Не прошли потому, что были несвоевременны и не отвечали требованиям, которые выдвигаются к различным изменениям, как то: упрощение норм, простые и понятные объяснения, как будут писаться новые слова, дабы не пополнять список исключений. Также не выделен «минимум», обязательный для всех: неспециалист не может знать все правила досконально.

По этой же причине невозможно естественное приятие «корректировки» правил орфографии и пунктуации русского языка, как именует свою деятельность автор В. В. Лопатин, пытавшийся внедрить ее в 2000-2002 гг. Даже если, закрыв глаза на всю несвоевременность, допустить существование изменений, объявленные «переходными» два года окончательно развалит всю орфографию: «Если одновременно работают и старые, и новые правила, это значит только то, что правил нет никаких» [Агеев, 2001] (см. Закон исключенного третьего).

Некоторые предложения дублируют 1962 год (это связано с тем, что составители проекта во многом поддерживали несостоявшуюся реформу):

1) *брошюра* и *парашют*, а также производные от них писать с *у* (*брошура*, *парашут*, *парашутист*). (Отметим, что слова *жюри* и *пиют* сохраняют традиционное написание);

2) *розыскной* писать по общему правилу через *а*: *разыскной*;

3) *Минюст*, *госязык* и проч. сложносокращенные слова писать с разделительным твердым знаком: *Минъюст*, *госъязык*;

4) причастия и прилагательные от бесприставочных глаголов всегда писать с одной *н*: *груженный*, *краше- ный*;

5) сложное прилагательное писать через дефис, если есть суффикс *-н-*, *-ов-*, *-ск-*;

6) *пол-* всегда писать через дефис: *пол-лимона*, *пол-яблока*, *пол-дома*;

7) допустить переносы *под-бросить* и *подб-росить* (во втором случае не учитывается морфемный состав слова, что обязательно скажется на умении школьников делать морфемный анализ).

Против предложений В. В. Лопатина можно использовать следующие аргументы:

- во-первых, говоря об упрощении, не следует забывать о том, что это не гарантирует быстроты и легкости в изучении языка. «Граматику живого и богатого языка никакими силами не привести к виду, удобному для выучивания за две недели» [Базжина, 2001];

- во-вторых, приведем несколько цитат, говорящих о непоследовательном подходе авторов к проблеме: «В настоящем проекте оговорено, что допускается противоречащее новому правилу слитное написание сложных прилагательных, если оно опирается на устойчивую традицию» (в то же время в других случаях этот традиционный принцип отмечается); «Еще одна важная задача нового свода - выработка более осознанного отношения к письму, связанного с возможностью (в некоторых специфических случаях) различных написаний»; «В ряде случаев пишущему предоставляется право обоснованного выбора между отдельным и дефисным написанием, между отдельным и слитным написанием» [Там же];

- в-третьих, в новом «своде» остается нерешенной проблема исключений (слова «для запоминания» приводятся весьма обширными списками);

- в-четвертых, обращает внимание искусственность иллюстративного материала (автор приводит пример написания слова *маяйский* (производное от «мая»), но не поясняет написание слова «оффшорный» (или «офф-шорный»?), что говорит о нерациональном подходе к созданию нового орфографического словаря).

Главнейшим недостатком текста нового «Свода» является то, что он по форме изложения не подходит для массового пользователя, так как некоторые его положения включают вузовскую терминологию (например, «слабая позиция»), а другие написаны невнятно даже для лингвистов [Там же].

Сделаем попытку обобщить вышесказанное:

1. Предлагаемые изменения должны быть обоснованы и логически последовательны.

2. «Правописание хотя и не вполне удовлетворительное, но общепринятое по всей стране, заслуживает предпочтения перед более совершенным, если оно признается только некоторою частью народа и тем вызывает новый, вовсе нежелательный разлад» [Грот, 1876, с. 157].

Обязательное условие для любой реформы - своевременность. Если сознание не готово принять измене-

ния, противится им и не видит необходимости этих изменений - никакая реформа не пройдет. Примером этому служат попытки реформирования орфографии 1930, 1962 и 2000 годов.

Список использованной литературы

1. Агеев А. Всех накроет парашут, или остановите Лопатина [Электронный ресурс]. URL: <http://profile.ru/items/?item=5878>
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
3. Базжина Т., Привалов А. Жы-шы. Немного об орфографии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.speakrus.ru/articles/antisvod.htm>
4. Бреусова Е. И. Опыт усовершенствования русской орфографической системы в послеоктябрьский период (к вопросу теории орфографических реформ) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 20. 140 с.
5. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика и культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 544 с.
6. Грот Я. К. Русское правописание: руководство, составленное по поручению второго отделения императорской академии наук Я. К. Гротом. СПб.: Типография императорской академии наук, 1887. 160 с.
7. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне: филологические разыскания академика Я. К. Грота. СПб.: Типография императорской академии наук, 1876. 462 с.
8. Иванова И. Орфографическая реформа ни одной проблемы не решает до конца [Электронный ресурс]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_245.shtml
9. Лопатин В. Русская орфография: задачи корректировки [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/5/lopatin.html
10. Савельев В. С., Сидорова М. Ю. Русский язык и культура речи: конспект лекций. М.: Айрис-пресс, 2008. 208 с.
11. Силанова А. «Нереформа» и реформа как формы русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=2&article=148>
12. Шапиро А. Б. Упорядоченное русское правописание. М.: Издательство Московского университета, 1956. 40 с.

ЛИРИКА В. А. ЖУКОВСКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ (1970-2007 ГГ.)

Белоногова Е. С.

Томский государственный университет

В статье мы намерены рассмотреть ряд сюжетов, связанных с англоязычной рецепцией Жуковского в период с 1970 по 2007 гг. Мы ставим своей целью рассмотреть работы, посвященные анализу произведений Жуковского, исследованиям в области поэтики его языка.

В анализируемый период публикуются самые разные работы, посвященные творчеству Жуковского: это статьи, доклады, монографии, диссертации. В научных трудах рассматриваются отдельные произведения поэта (например, баллада «Иванов вечер»), анализируются приемы, которые использовал Жуковский (в частности, троп сравнение), исследуется творчество русского романтика как само по себе, так и в сопоставлении с творчеством других поэтов, разбираются принципы перевода, исповедуемые Жуковским, и пр.

Статья, а затем и диссертационная работа американки Дорис Джонсон посвящены тропу сравнение в творчестве Жуковского и Батюшкова [Johnson, 1973, p. 407-422]. Сопоставляя поэзию двух авторов, исследовательница выявляет различия между ними. Рассматриваются частота употребления сравнений, их общее процентное соотношение, типы, способы включения в текст, много внимания уделено метафоричности сравнений. Вся информация обобщена в таблицах. Один из основных выводов, к которому пришла Джонсон, заключается в следующем: в количественном отношении сравнений в текстах Жуковского больше, чем в текстах Батюшкова, а их метафоризация ярче.

Статья Эйнсли Хьютон посвящена балладе Жуковского «Иванов вечер» [Hewton, 1973, p. 145-150]. В ней изучается степень близости и расхождений перевода Жуковского и оригинального текста баллады Вальтера Скотта. Впервые в англоязычном литературоведении особое внимание уделяется соответствию ритмики и строфики произведений. Анализируя лексико-семантическую структуру баллады, автор статьи приходит к выводу, что «в целом Жуковский делает хороший перевод оригинального произведения, не использует лишних слов для достижения желаемого эффекта (и совершенно неважно, что этот эффект может отличаться от оригинального), но все же русский перевод не достигает такой высокой планки, которой достигло оригинальное произведение Скотта» [Ibidem, p. 150]. В то же время истинных целей перевода данный исследователь не видит, но их увидел Вотчел, который в 2004 г. в книге «Русская литература» [Watchel, 2004, p. 83-84] назвал перевод Жуковского «русской инкарнацией», отвечающей главной цели любого поэтического перевода - воплотить дух оригинала, а не «букву». По мнению Вотчела, баллада Жуковского соответствует «ожиданиям» от этого жанра читающей русской публики.

Отдельные исследователи обращаются к особенностям психологизма поэзии Жуковского, художественным средствам его выражения. Так, статья К. Дженсен «Значение и замысел стихотворения “19 марта 1823 года” В. А. Жуковского» [Jensen, 1981, p. 5-14] является любопытной интерпретацией. Исследователь рассматривает стихотворение через призму личного переживания Жуковским смерти Маши Протасовой и считает, что Жуковский написал стихотворение под непосредственным впечатлением от смерти возлюбленной. Первой реакцией поэта был эмоциональный шок, который отражен в произведении. Затем он продолжил ра-